

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ТАМБОВСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

В.Б. Безгин

преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация: В статье рассказывается о традиционном укладе жизни крестьянской общины на рубеже XIX–XX веков, основанном на православных духовных традициях. Подчеркивается ведущая роль Русской Православной Церкви в формировании религиозного сознания тамбовского крестьянства.

Ключевые слова: Православная Церковь, приход, таинства, молитва, повседневность, крестьянство.

Научное осмысление содержания повседневной жизни русского крестьянства требует обращения к духовным традициям жителей села, которые составляли большинство населения России и являлись главными носителями православной веры, религиозности и нравственности.

При обилии литературы, в которой рассматриваются те или иные аспекты религиозности русских крестьян, недостаточно изученной остается проблема места и роли Православной Церкви в повседневной жизни русских крестьян. Региональный уровень исследования позволяет более глубоко и основательно проанализировать значение Православной Церкви в обыденной жизни русского крестьянства. Изучение повседневности тамбовского крестьянства рубежа XIX–XX веков дает возможность судить о состоянии православной веры в сельской среде, выяснить степень религиозности сознания деревенских жителей.

В качестве источника нами были использованы летописи сельских храмов, относящиеся к периоду конца XIX – начала XX века. Их авторами выступали священники, в чьем ведении находился сельский приход. В тексте церковных летописей содержатся сведения о православной истории и жизни села. В частности, описываются события, которые были наиболее значимыми в религиозном восприятии крестьян (совершение крестных ходов,

паломничества к святыням, принесение чудотворной иконы из других мест). Также сообщается об исправности соблюдения прихожанами церковных таинств, об именах крестьян, внесших свои пожертвования в пользу храма, дается общая оценка нравственного состояния прихожан.

Другим источником, который помог реконструировать особенности духовной жизни в сельских приходах в этот период, стали ведомости о состоянии епархии, составлявшиеся епархиальными благочинными ежегодно и направлявшиеся в духовную консисторию. В них содержатся наблюдения приходских священников о влиянии на сельскую повседневность отхожих промыслов, войны, революционных событий, городской культуры и т. п. Ценным является то, что от взгляда сельского духовенства не ускользали и те перемены, которые происходили в семейном укладе, общинных устоях и образе жизни жителей русской деревни.

Хорошим подспорьем в изучении заявленной темы были материалы «Тамбовских епархиальных ведомостей». Особенный интерес представляло содержание их неофициального раздела, где публиковались статьи приходских священников, материалы из истории сельских храмов и приходов, сведения о пастырском и общественном служении сельского духовенства.

Согласно архиерейскому отчету о состоянии Тамбовской епархии в начале 1890-х годов, крестьяне крепко держались православной веры¹. Характерными чертами простого народа преосвященный называл добродушие, простосердечие, трудолюбие, терпеливое перенесение несчастий². К исправлению церковно-приходских обязанностей крестьяне относились с большим усердием: нарушение постов, непосещение храма в праздничные дни считали большим грехом, ежегодную исповедь и Причастие – неременной обязанностью³. Повседневная жизнь протекала в общении с Богом через молитву с благословения Православной Церкви⁴. Наряду с низким уровнем религиозного просвещения прихожан отмечалось народное благочиние. Оно проявлялось в глубоком почитании храмов и непоколебимой уверенности

¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1792. Л. 22.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. Л. 77.

⁴ Там же.

в Божием промысле. Прихожане, проходя или проезжая мимо храмов и часовен, благоговейно молились на них, а при болезнях спешили причаститься. При всех несчастьях крестьяне благочестиво говорили: «Богу так угодно» или: «На то есть воля Божия», ни ропота, ни раздраженья не было видно⁵.

По православным понятиям, семья являлась «малой Церковью» т.е. была призвана блюсти основы христианской жизни каждого своего члена. Носителями религиозных воззрений в патриархальной семье выступало старшее поколение. Они (старшие) всегда следили, чтобы молодежь не пропускала праздничные богослужения и аккуратно выполняла религиозные предписания. Под праздники в крестьянской семье читали вслух Евангелие, а после ужина женщины становились на колени и наказывали детям усердно молиться. Ежедневные молитвы, как правило, пели, и поэтому крестьянские дети с раннего возраста знали наизусть «Отче Наш», «Царю Небесный», «Богородице, Дево, радуйся», «Достойно есть».

В массе своей неграмотные крестьяне высоко ценили школу за то, что в ней их детей учили Закону Божию. Тамбовский владыка в 1892 году делился своими впечатлениями по этому вопросу. В отчете о состоянии епархии он, в частности, сообщал: «На воспитание детей своих – на обучение их грамоте и Закону Божию народ смотрит как на высокополезное дело. По возможности помогает этому благому делу»⁶. Сельский учитель Н. Бунаков писал в начале XX века, что, по мнению крестьян, хорошая школа дает знание Закона Божиего и позволяет детям участвовать в богослужении⁷. Крестьяне приветствовали участие своих детей в церковном хоре, высоко ценили умение читать Псалтырь, Часослов, Деяния апостолов.

Православная Церковь была органически вплетена в канву повседневной крестьянской жизни. Вера Христова зримо и незримо сопровождала крестьянина от рождения до смерти. Рубежные события в его жизни определялись христианскими таинствами Крещения, Венчания и обрядом отпевания. Ощущение церковной собранности достигалось посредством участия в воскресной Литургии и приобщения Святых Христовых Тайн. Азы православной веры

⁵ Там же. Д. 1835. Л. 99.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1420. Л. 26.

⁷ Бунаков Н. Сельская школа и народная жизнь. СПб., 1907. С. 7.

постигались в сельской семье через регулярные действия: исполнение утреннего и вечернего правил, молитвы перед едой, чтение слова Божиего (Евангелия) – и зримые образы креста, икон, священных предметов.

В русской деревне всегда существовало понятие святости венца. Венчание в храме являлось в представлении крестьян непременным условием законности брака. Крестьяне осуждали незаконное сожителство, считая это преступлением, поруганием религии и чистоты семейного очага. Невенчаный брак в селе был явлением редким. Крестьяне с подозрением относились к таким бракам. Большое признание в таких случаях падало на женщину – любовницу. Ее ставили в один ряд с гулящими и подвергали всяческим оскорблениям.

В восприятии крестьянина брак был не только жизненной необходимостью, но исполнением Божественной заповеди. Ему предшествовала целая череда сельских обрядов, в большинстве своем православных по своему содержанию. Так, во время сватовства, когда согласие на будущий брак достигнуто, присутствующие зажигали свечи, усердно молились, после чего давали друг другу обещания, скрепляя их взаимным целованием. Обещание держалось крепко, а нарушение считалось грехом. «Грешно будет нарушить слово, – говорили крестьяне, – хотя люди его не слышали, зато свидетелем был Бог, он может покарать гордых родителей». Венчанию предшествовало родительское благословление, когда отец и мать жениха осеяли иконой молодых, прося Господа, чтобы их брак был счастливым. А перед выездом в храм жених или дружка трехкратно посолонь обходили брачный поезд с молитвой, с целью уберечь молодых от всякой нечисти⁸.

Таинство Венчания совершалось в сельском храме и являлось одним из самых значимых событий в жизни крестьян. Вот как его оценивал этнограф А. П. Звонков, изучавший быт и нравы крестьян Кирсановского уезда Тамбовской губернии: «Обряд Венчания – одно из самых великих таинств для крестьянина. Он не только уважает его, но и благоговейно готовится к нему, со страхом встречает. Тут Бог благословляет человека на новую жизнь, решает для него счастье или несчастье. Был жених

⁸ *Спасский И.* Обычай, приметы и поверья в приходе с. Александровки-на-Савале Тамбовского уезда // ТЕВ. 1880. № 17. С. 451–452.

добрый, а невеста честная – присудит Господь толику во брачной жизни, нет – не пошлет Господь и радости. Момент таинства поэтому самый крупный и страшный в жизни момент исполнения предопределения Божиего. Отсюда и названия таинства – Судом Божиим»⁹.

Поистине христианским было отношение крестьян к смерти. Вера в бессмертие души и последующую загробную жизнь не рождала чувство страха перед ней как физическим явлением. С раннего детства близость смерти была явлением привычным. На глазах детей умирали их братья и сестры, дедушки и бабушки, иногда их родители. Часто они были свидетелями последних минут жизни своих соседей. Если крестьяне и испытывали страх, то только пред тем, чтобы не застал их смертный час «неуготованными». Пожилые крестьяне готовились к смерти Соборованием, Исповедью и Причастием. Крестьяне относились к смерти как событию неизбежному. В своих воспоминаниях крестьянин И. Столяров писал, что «часто приходилось видеть старика на завалинке у избы, греющегося на солнышке и смиренно твердящего: „Боженька, наверно, забыл про меня, не хочет прислать мне смерть“»¹⁰. Без малейшего драматизма крестьянин мог сказать своему близкому родственнику: «Не топтать тебе больше зеленой травушки, Петрович». И это была простая констатация факта, может быть, даже с элементом сочувствия. Казалось, что не стоит особенно расстраиваться, если кто-то очень болен или увечен и исход очевиден¹¹.

Крестьяне старались сделать все, чтобы проводить душу умершего в мир иной достойным образом. По отзыву современника (1897), «без напутствия Исповедью и Святыми Тайнами крестьяне не позволяют никому умереть»¹². Когда человек умирал, ему спешили дать в руки зажженную свечу и поставить на окно чашку с водой. По народным поверьям считалось, что «тело-то грешное вымоется, а вот душа-то матушка, чтобы не осталась не мытой – так

⁹ *Звонков А.П.* Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1889. Вып. 1. С. 113.

¹⁰ *Столяров И.* Записки русского крестьянина // Записки очевидца : воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 483.

¹¹ *Шанин Т.* Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность : ежегодник. М., 1997. С. 90.

¹² *Покровский И.* Историко-археологическая записка // ТЕВ. 1898. № 51/52. С. 1398.

и ей должно приготовить искупаться»¹³. С середины XIX века обмыванием покойников в деревне занимались исключительно женщины. Нередко обмывальщицами были повивальные бабки, а также вдовы и девушки, отличавшиеся набожностью и давшие обет безбрачия. Обмывать покойников считалось дело богоугодным. В деревне говорили: «Трех покойников обмоешь – все грехи отпущены будут, сорок обмоешь – сам безгрешным станешь». Обмывала тело одна женщина, две другие ей помогали. При этом читались молитвы.

После омовения и литии покойника клали в передний угол на скамьях, головой к иконам. На божницу ставили хлеб или блин, чтобы душа могла подкрепиться. До погребения кто-то из близких усопшего или приглашенная черничка неустанно читали Псалтырь. С умершим прощались всей деревней, каждый считал своим долгом поклониться «почившему в Бозе» соседу. Обычно приходили с приношениями (холстом, свечками, мукой и т.п.) «на помин души», иногда оказывали помощь деньгами¹⁴. Старых людей хоронили обязательно «в своей» одежде, молодых, как это стало обычным с конца XIX века, – в одежде из покупного материала; старух хоронили в поневах – обычай, державшийся еще и в первые годы советской власти¹⁵.

Похороны в селе всегда были церковными. Усопшего отпевали в храме и предавали земле на сельском кладбище. На поминках обедала вся деревня в несколько смен. Малые поминки устраивались для родных на девятый, двадцатый и сороковой день. Как правило, поминали блинами с медом и кутьей. Употребление лакомой пищи символизировало будущее наслаждение усопшего в райской обители. В течение шести недель на столе оставляли поминальную еду, а сами домочадцы усиленно молились о том, чтобы Господь простил новопреставленному рабу Божию «грехи вольные и невольные», и просили: «Всели во дворы Твоя». Следует признать, что традиция христианского поминовения – одна из самых устойчивых в сельской жизни. И сегодня приходские храмы особенно многолюдны в поминальные дни.

¹³ Спасский И. Указ. соч. С. 456.

¹⁴ Быт великорусских крестьян-землепашцев : описание материалов этногр. бюро кн. В.Н. Тенишева. Спб., 1993. С. 287.

¹⁵ Село Вирятино в прошлом и настоящем. М., 1958. С. 92.

Милосердие являлось отличительной чертой русского крестьянства. Смысл Евангельской любви находил свое воплощение в сострадании и сочувствии к несчастным, в бескорыстной помощи нуждающимся. Помещик К.К. Арсеньев в заметках о путешествии по Тамбовской губернии замечал: «Сами голодая, крестьяне подают милостыню хлебом. Берут к себе в дом семьи погорельцев и бедняков. Так, в с. Бояровка Моршанского уезда в обыкновенной избе помещалось четыре семьи»¹⁶.

Обыденным в поведении жителей села являлась подача милостыни. В 1908 году благочинный 7-го Тамбовского округа сообщал в духовную консисторию, что «крестьяне никогда не отказывают просящим милостыню, любят принимать в доме странников»¹⁷. В повседневной жизни бескорыстную помощь бедным и неимущим крестьянам не считали подвигом, а воспринимали как жертву Богу.

Помня слова Спасителя о том, «чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6, 4), крестьяне практиковали тайную милостыню. «Потаенная милостынька» служила в деревне способом поминовения душ усопших. Вот что писала в своем очерке о народных обычаях Е. Всеволожская в конце XIX века: «Она (т.е. милостыня) раздается бедным бобылкам, стариками в течение 40 дней, по три милостыньки на каждую, и состоит из маленького пшеничного или полбенного хлебца, вроде просфоры и восковой свечки»¹⁸.

Обычай тайной милостыни выступал способом поминовения и своеобразной формой «сельской помочи», проявлением духовного подвига русского крестьянства. Так, в 1894 году Кирсановский благочинный писал, что, кроме подачи милостыни нищим, прихожане нередко оказывают «тайное пособие бедным, стыдящимся просить милостыню»¹⁹. Современный этнограф И.А. Кремлева на основе расспроса старожилков сделала вывод о широком распространении тайной милостыни в тамбовской деревне в конце XIX – начале XX века. Подчеркивая значимость этого богоугодного

¹⁶ Арсеньев К.К. Из недавней поездки в Тамбовскую губернию // Вестн. Европы. 1892. Кн. 2. С. 836.

¹⁷ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 9.

¹⁸ Всеволожская Е. Очерки крестьянского быта Самарского уезда // Этногр. обозрение. 1895. № 1. С. 33.

¹⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1835. Л. 54 об.

дела, информаторы говорили о том, что «тайными подаяниями люди свою душу очищали, свои грехи замаливали». Одна из крестьянок (Бондарский район Тамбовской области), вспоминая свое детство, рассказывала, что их отец клал на завалинку мясо, муку – бедным²⁰.

Различные формы «сельских помочей» базировались на принципах христианской морали, выражали нравственное содержание деревенских взаимоотношений. Крестьянская община освобождала маломощные семьи от повинностей, принимая их на себя; снимала подати с погорельцев и пострадавших от падежа скота. Организовывалась помощь больным и маломощным, «мир» на их поля вывозил навоз и помогал при уборке урожая. Часто это делалось добровольно, «ради Христа». Косцы и жнецы, оканчивая свои полосы, шли помогать тем, кто задержался «по маломощности»²¹.

Одной из православных традиций в жизни русской деревни являлось паломничество (странничество). Наверное, не было в русском селе жителя, который хотя бы один раз в жизни не отправился на богомолье по святым местам. Вот свидетельство современника и его впечатления от увиденного у села Новая Ляда Тамбовского уезда Тамбовской губернии: «Мы встречали богомольцев, идущих в воронежские и другие места, преимущественно бабы, между которыми мелькали и седые бороды старцев, согнувшихся под тяжестью мешков и торб, опираясь на длинные палки, бодро и скоро шагает этот люд по окраине дороги в тени леса».

Мотивы, побуждавшие крестьян ходить на богомолье, были различны, но в основе их лежала устойчивая духовная потребность. Это стремление к покаянному очищению души, желание исцелиться от какой-либо болезни, получение жизненного совета и благословления от духовного лица, выполнение обета о посещении святого места, участие в престольном празднике и т.п. Благодинный Козловского округа Тамбовской епархии сообщал в духовную консисторию в 1908 году, что крестьяне любят совершать паломничество по святым местам: «Киев, Троицко-Сергиева лавра, Воронеж,

²⁰ *Кремлева И.А.* Похоронно-поминальная обрядность сельского населения Бондарского и Пичаевского районов : отчет о результатах полевой экспедиции 1993 г. [Рукопись] // ТОКМ. С. 12.

²¹ *Риттих А.А.* Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С. 50.

Задонск, Саров. Батюшка Серафим особо чтим местным населением. Редко кто из взрослых не поклонился святым мощам»²².

В.В. Селиванов на основе своих наблюдений за жизнью крестьян утверждал: «Русский народ вообще богомолен: сходить на богомолье – почитается делом святым, это есть желание потрудиться для Бога. С двумя, тремя грошами в кармане, сберегаемыми на свечу и общий молебен, иная старуха или старик, едва передвигая ноги, плетутся, иногда Бог весть из какой дали на поклонение святыне. И ходят, таким образом, не десятки, не сотни, а тысячи верст, и возвратясь домой, не только не хвалятся своим подвигом, но даже иной и не скажет об этом никому, разве к слову придется»²³.

Православная вера жителей тамбовского села находила свое выражение в широкой практике общественных молебнов и крестных ходов. Такие молебны были распространены по всей России и совершались по инициативе общины или отдельных мирян. Тамбовский сельский священник писал, что молебны по приговору схода совершались по самым незаурядным случаям и часто в полях²⁴. Поводы для молебнов могли быть различны – это начало и окончание полевых работ, первый выгон скота, засуха, безведрие, эпидемия и т.п. Соборной молитве крестьяне придавали особое значение. В селе говорили, «что Богу молиться, что на земле трудиться, надо сообща, всем вместе. Чтобы дома всей семьей, в поле – всем миром, таков закон»²⁵.

Описание крестного хода в засуху оставил в своих воспоминаниях митрополит Вениамин (Федченков): «Мужчины и женщины взяли крест, хоругви, иконы и под трезвон колоколов направились ... куда же? На общее кладбище свое... И там мы сначала отслужили панихиду по всем усопшим. Оказалось, как мне разъяснил по пути батюшка, исстари велся этот обычай; живые молились по умершим, чтобы те помолились там Богу о нуждах живых своих потомков и близких ... мудрый и умильный обычай святой Руси ... Потом мы пошли с пением молитв по полям. Что это

²² ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 20.

²³ *Селиванов В.В.* Год русского земледельца // Письма из деревни : очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 104.

²⁴ *Спаский. И.* Указ. соч. С. 459.

²⁵ *Матвеев С.* Из жизни современного крестьянства // Рус. богатство. 1913. № 10. С. 151.

были за горячие молитвы! ... В тот ли день или на другой пошел дождь... И я не помню из своей жизни случая, чтобы такие молебны вообще оставались без исполнения»²⁶.

Массовое народное понимание молебнов вне храма было сугубо церковным по сути своей: оно отвечало желанию максимально освятить все стороны своей жизни. Молебны на полях сопровождались кроплением святой водой, в ходе их пели каноны и тропари, несли кресты, иконы и хоругви. Широко распространенная практика молебнов выражала православный характер хозяйственно-го бытия тамбовского крестьянства.

Труд русского земледельца был немислим вне сознания ответственности перед Богом и исполнения его заповедей по отношению к земле, твари и своему ближнему в процессе хозяйственной деятельности. Имея нравственную опору в Православии, крестьянин стойко воспринимал жизненные испытания в виде засухи, градобития, неурожая. Он утешал себя словами: «Видно, воля Божия». И в этом утверждении был сокрыт глубокий смысл жизни, и упование на промысел Божий, и неисчерпаемая надежда на грядущую милость. Аграрный труд в условиях рискованного земледелия требовал от крестьянина огромных усилий в максимально короткий срок (посев, сенокос, уборка). Но даже использование пахарем всех многообразных и достаточно рациональных способов обработки земли еще не являлось гарантией урожая. Некоторые недалёковидные исследователи усматривали в этом «нерадение» крестьянина, якобы традиционный русский «авось». Но на самом деле в этом было христианское смирение русского мужика, сделавшего все от него зависевшее и положившегося на волю Божию.

Основные полевые работы аграрного календаря были связаны в народном восприятии с праздниками церковными, особенно с двенадцатыми. Вековые наблюдения убедили крестьян, что как непереходящие (Рождество, Успение и др.) праздники, так и переходящие (Пасха, Вознесение, Троица,) всегда являются надежными вехами в цикле полевых работ. Так, в большинстве русских сел сенокос начинали после Троицы. Исследователи единодушны в утверждении о том, что крестьяне почитали святые дни, в праздники и выходные не работали, т.к. считали это большим грехом.

²⁶ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 43.

В народном календаре был еще ряд дней, в которые запрещалось работать во избежание кары Божией.

В аграрных обрядах широко использовались священные для православных людей предметы. Выше уже указывалось на использование в крестных ходах икон и креста. Следует также сказать о святой воде, которая в силу особой благодати применялась крестьянами в хозяйстве и быту. Ей кропили поля, скот, посева, семена, овощи, фрукты. Особое значение имела крещенская вода. В Тамбовской области до последнего времени в деревнях ей обмывали коровам вымя, чтобы те не болели и давали много молока. Для предотвращения падежа скота его окуривали ладаном. Во время заказных молебнов, устраиваемых по просьбе крестьян, священник кадил не только в доме, но и в хозяйственных постройках. При первом выгоне скота в деревнях использовали прутья вербы, освященные на праздник Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресенье)²⁷. Во всем этом следует видеть не столько сельский рационализм, сколько искреннюю веру крестьян в целительную силу Божественной благодати.

Многообразными по форме и глубоко духовными по содержанию были проявления православной веры тамбовских крестьян. Это, прежде всего, стремление к исполнению Заповедей Божиих в сельской повседневности. Милосердие и сострадание являлись неотъемлемой частью крестьянской природы. Все рубежные события в жизни крестьянина: рождение, брак и смерть – связывались с Божественным промыслом. Паломничество жителей тамбовского села демонстрировало отнюдь не формальный характер народного благочестия. Оно служило благодатным источником, укрепляющим веру. Упование селян на милость Божию во время тяжелых испытаний (засуха, мор и т.п.) находило свое зримое выражение в практике внецерковных молебнов и крестных ходов. Религиозность крестьянства с достаточной силой выразилась в традиционной для русской деревни обрядовости в сфере сельскохозяйственного производства.

²⁷ Шустиков А. Троицина, Кадниковский уезд // Живая старина. 1892. Вып. 3. С. 114.